

сей и изданий, не разработана методика исследования, нет кадров. Нет центра музыкальной фольклористики — для музыковедческой секции Союза композиторов, которая сейчас таким центром является, это — побочное дело. Необходимо издать учебник музыкальной стилистики и мелодики для народных поэтов и певцов, широко развернуть экспедиционную работу, изучать современное музыкальное творчество народа, помогать певцам. Об исполнении дум говорила Г. Л. Кашеева (Музыкальное училище им. Гнесиных). Поднимался на совещании вопрос о преподавании фольклора в университетах, педагогических институтах и консерваториях.

Участники совещания имели возможность ознакомиться с творчеством украинских кобзарей и певцов. На совещании неоднократно выступали лучшие кобзари — Е. Мовчан, В. Перепелюк и другие, а также ансамбль кобзарей общества слепых, руководимый Палатаем. В заключение для участников совещания был дан большой концерт, в котором приняли участие мастера народного искусства и ансамбль украинской народной песни и танца под руководством Гр. Веревки.

Совещание приняло резолюцию, в которой указало, что при дальнейшем исследовании эпоса особое внимание необходимо уделить изучению художественной специфики и жанров в их исторической обусловленности и сравнительному изучению эпоса народов СССР и стран народной демократии. Совещание подчеркнуло, что такое изучение должно вестись комплексно представителями смежных дисциплин: фольклористами, историками, этнографами, языковедами, литературоведами, музыковедами. Результатом всех этих исследований должна стать история эпоса восточнославянских и других народов.

Совещание указало на необходимость издания сводов русского, украинского и белорусского фольклора и организации переводов эпоса народов СССР на русский язык и русского эпоса на языки народов СССР.

Признавая, что статьи Н. П. Леонтьева в «Новом мире» дезориентировали широкую общественность и вызвали сильное сокращение собирательской и издательской деятельности в области народного творчества, а дискуссии о современном фольклоре в «Новом мире» и «Советской этнографии» не были доведены до конца и потому не дали положительных результатов, совещание признало необходимым опубликовать на страницах прессы статьи, посвященные основным проблемам дооктябрьского и советского фольклора.

Совещание приняло решения: просить Отделение языка и литературы АН СССР ходатайствовать об организации в системе Академии наук Института народного творчества, об издании фольклористического журнала и информационных бюллетеней; ходатайствовать перед Президиумом АН СССР о созыве в 1956/57 г. всесоюзного совещания по вопросам изучения фольклора славянских народов с приглашением ученых из стран народной демократии; просить Институт мировой литературы провести в ближайшее время совещание по вопросам советского народного творчества, а Институт русской литературы — совещание о принципах публикации фольклорных текстов (с участием представителей издателей); просить Министерство высшего образования включить в курс славянской литературы раздел о славянском фольклоре, а на филологических факультетах ввести специальный курс славянского фольклора, отменить решение о снятии курса музыкального фольклора в консерваториях и музыкальных училищах; просить министерства просвещения союзных республик восстановить преподавание народной поэзии в старших классах средних школ.

В резолюции совещания указывается также на необходимость помощи самостоятельным коллективам, укрепления домов народного творчества квалифицированными фольклористами, издания пособий по собиранию и систематизации произведений народного творчества и т. д. Постановлено также возбудить ходатайство о государственном обеспечении народных певцов и восстановлении этнографического ансамбля кобзарей.

В. Соколова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1954 г.

Экспедиция по изучению материальной культуры русского (сельского) населения Среднего Поволжья была предпринята автором летом 1954 г. Были посещены населенные пункты, расположенные как по берегу Волги, так и в степных районах на расстоянии 60—80 км от берега. Маршрут экспедиции проходил по северным районам Саратовской области через населенные пункты: Балаково, Натальино, Матвеевка, г. Пугачев, Успенка, Преображенка, Б. Таволжанка, Ивантеевка, Бартенежка и по южным районам Куйбышевской области через селения: Хворостянка, Елань, Студенцы, Безенчуг, Владимировка.

За время экспедиции были собраны данные по хозяйству, жилищу, одежде и пище русского населения. В настоящем сообщении приведены некоторые материалы, характеризующие жилище и селения.

Все населенные пункты на обследованной территории расположены либо на второй надпойменной террасе Волги, либо на обычных ровных степных пространствах, чаще

всего по течению речек, вдоль шоссевых дорог. Так, много деревень и сел раскинулось по берегу Б. Иргиза и его притоков. Села, как правило, большие, более 200 дворов. Планировка селений как прибрежных, так и степных — уличная. В деревнях обычно два порядка домов, которые несколькими параллельными улицами вытянуты в длину, иногда на 2—3 км и более. Уличная планировка нарушается лишь там, где местность пересекают овраги, балки или реки. В таких селениях улицы взаимно перпендикулярны или расположены под углом. По берегам оврага или реки возникли односторонки. Планировки могут служить Успенка на правом берегу Б. Иргиза и с. Студенцы, раскинувшиеся по обоим берегам р. Безенчук и прилегающим оврагам. Улицы, как правило, широкие — 50-60 и даже 120 м (с. Матвеевка Балаковского р-на).

Озеленение деревень незначительно. По рассказам стариков, раньше лалисаднички вообще не было, деревья росли лишь по берегу реки или пруда. В настоящее время в каждом селении можно встретить молодые зеленые насаждения перед домами, на приусадебных участках, около клуба. В некоторых селах в самом центре разбит небольшой парк (Ивантеевка).

Жилой дом представляет собой четырех- или пятистенный сруб, сложенный преимущественно из полубревен или пластин толщиной до 6 см. Круглый лес для строительства применяется редко, особенно во внутренних районах, так как его трудно доставлять.

В степных районах много мазанок («землянок»), сложенных целиком из самана (Б. Таволжанка, Бартенежка, Усовка и др.). Раньше дома ставили без фундамента, и камни или низкие столбы. С начала XX в. стали устраивать фундамент высотой до 1 м. Для закладки фундамента используется преимущественно саманный кирпич. Фундамент состоит из двойных стен шириной примерно 0,5 м, пространство между которыми засыпано «черноземом» — высушенным навозом. При устройстве фундамента часто по углам дома и середине стены ставят столбы из красного кирпича, а пространство между ними закладывают саманом. На фундамент один за другим кладут венцы сруба. Всего в срубе 11—12 венцов. На предпоследний венец сруба кладут «матку», на нее «нажидленные» или «прогонные» бревна, на них «переклады», в которые врубают стропила. К стропилам пришивают слези. Крышу кроют тесом, железом или шифером. Соломоном кроют лишь мазанки.

Крыши во всем районе преимущественно двускатные, причем в прибрежных районах двускатных крыш больше, чем в степных. Так, в с. Матвеевка, расположенном на берегу Волги, шатровых крыш примерно 20%, а в селах Успенка и Бартенежка, находящиеся в 80 км от берега, шатровых крыш соответственно 34 и 46%. В Бартенежке, например, по рассказам сторожиков, шатровых крыш было много и раньше, лет 80—100 назад. Сохранились еще дома, крытые «глаголем»: на улице шатром, а во двор флигером. Такая форма встречается лишь на бывших кулацких домах постройки начала XX в.

Стены домов обычно обшиты тесом. Необшитых домов очень мало. К стенам сруба пришивают «штанги» — брусья толщиной по 10 см — и к ним прикрепляют обшивку, располагая ее узорами. В степных селениях встречаются дома, наружные стены которых обмазаны глиной и побелены известью. Украшения домов очень несложны и ограничиваются преимущественно резьбой, обрамляющей карниз дома, слуховое окно, наличники окон. Долотная резьба встречается лишь в прибрежных селениях. В глубинных районах ставни некоторых домов покрыты несложными рисунками, главным образом цветами.

Рубка сруба производится несколькими способами, в зависимости от материала, из которого он изготавливается, — круглых бревен или пластин. Если дом кладут из пластин, то рубят в «замок», реже в «столбы». При рубке в «столбы» на фундамент кладут деревянный венец — «заводину», в нее по углам врубают четыре столба с лазами для закладки пластин, из которых сооружаются стены дома. Сруб из круглых бревен рубят, как обычно, в угол с «потьмом». Рубка «в лапу» при строительстве жилых домов почти не применяется (один-два дома в деревне).

Жилой дом, как правило, состоит из двух частей: избы и сеней. Клеть, характерная для центральных и северных районов Среднего Поволжья, в южных районах края совершенно не известна даже старикам.

Жилое помещение раньше состояло из одной комнаты площадью 20—25 кв. м, значительную часть которой занимала печь. В большинстве изб печи расположены справа или слева от входа. Во многих избах печь повернута жерлом к передней стене дома. Пространство между передней стеной и печью называется чуланом. Часто печь повернута жерлом к боковой стене дома. Такой план встречается также в домах постройки конца XIX в. В жилом помещении раньше никаких перегородок не было. По стенам шли массивные лавки; задняя верхняя часть избы была занята полатами.

За годы Советской власти внутренняя планировка стала изменяться. Появилось стремление разделить жилое помещение на несколько комнат. Это прежде всего достигалось перестановкой печи. Примером может служить дом колхозницы А. Т. Толмачевой (Бартенежка, Ивантеевского района). Дом построен в конце XIX в., первоначально флигером. Печь в нем была повернута жерлом к передней стене. В 1927 г. печь перевернули, обратив ее жерлом к боковой стене, благодаря чему передняя половина избы была отделена от кухни. Наконец, в 1939 г. вместе с перестройкой дома переложили и печь, повернув ее к задней стене, в которой прорубили окно. Таким образом, кухня стала совершенно изолированной, первая от входа комната превратилась в столовую, а передняя часть избы — в залу и спальню.

Кроме того, жилое помещение расширяют за счет пристройки, сооружая ее на месте сеней, сени же отодвигают дальше, вглубь двора или пристраивают сбоку. Благодаря пристройке площадь жилого помещения увеличивается на 18—20 м. В этом случае передняя часть избы целиком превращается в изолированную «чистую» комнату, а задняя — в столовую и кухню (печь повернута к задней стене дома). В районе много больших домов с площадью жилого помещения в 40—45 кв. м. Эти дома — с шатровой крышей. Они были построены в конце XIX — начале XX в. зажиточными крестьянами. Раньше в них жили семьи по 18—20 человек. Теперь их занимает одна семья из 4—5 человек. Жилая площадь в них достаточная, поэтому никаких переделок в чистой половине не производится. Коренным образом изменилась лишь обстановка. Появились никелированные кровати, мягкие диваны, письменные столы, этажерки для книг, радиоприемники. В последние годы стали строить новые дома подсобного же типа.

Дом с двором и надворными постройками образует усадьбу. Ширина усадьбы по улице 16—18 м, а длина вглубь двора 50—56 м. На примыкающем к двору приусадебному участку обычно разбит огород. В пределах изучаемой территории отмечено два вида связи жилого дома с надворными постройками. Для прибрежных районов наиболее характерна П-образная связь. Правда, в последнее время она видоизменяется за счет выпадения отдельных служб, ставших ненужными в колхозном хозяйстве (конюшни, сараи для хранения сельскохозяйственного инвентаря и т. д.). Это место используется для разбивки небольшого сада, пасеки.

Для степных районов, от г. Пугачева к северу, наиболее характерна Г-образная связь. Часто надворные постройки вообще не соединяются с домом. В с. Хворостянке мной было обнаружено несколько домов П-образной постройки, но оказалось, что жители этих домов лишь недавно переселились с Волги. «У коренных хворостянских жителей, — говорят старики, — надворные постройки никогда кольцом не идут вокруг двора». Обычно к дому примыкает погреб или глиняная мазанка — «глинуха», за ней помещенье для птицы — «куратник», затем дровяник и погреб, к которому примыкает расположенный поперек двора крытый сарай. Противоположная часть двора не застраивается, а непосредственно граничит с усадьбой соседа.

Мазанка, или «кухня», встречается почти на каждой усадьбе. Стены ее шириной до 60 см кладут из саманного кирпича. Вплотную к ним по углам и посередине ставят сохи, на них кладут боковые слеги, на слеги — доски и все это засыпают землей. В мазанке обычно семья проводит летнее время, а потому, как правило, там сооружают печь, ставят кровать, стол. Мазанки часто делают также глинобитным способом, описанным нами для правобережных районов Средней Волги¹. Сарай и в степных, и в прибрежных районах строят из плетня. Обычно ставят две плетеные стенки и пространство между ними засыпают соломой, смешанной с глиной. Иногда плетневую стенку обмазывают глиной только снаружи.

Все усадьбы, огороды, проулки, соединяющие соседние улицы, окружены заборами, преимущественно плетневыми и только по линии улицы тесовыми. «Калды», или загоны, для крупного рогатого скота, овец и других животных огораживаются «городьбой», напоминающей северновеликорусское прясло, с той лишь разницей, что горизонтальные жерди покоятся не на связях, скрепляющих два рядом стоящих кола, а пришиты к ним гвоздями.

В прошлом в стороне от села обычно устраивали гумно — огороженный плетнем участок, на котором сооружались ток для молотбы хлеба и сараи, называемые в различных деревнях по-разному: лабаз, клуня, рига, половець, колосьянка и т. д. Это — крытые соломой плетневые постройки длиной 12—15 м и высотой свыше 2 м. В них хранили мякину. На два-четыре хозяйства устраивали одно гумно. В некоторых деревнях старики вспоминают о существовании овинов для сушки хлеба, которые также сооружали в стороне от деревни. Овины, повидимому, строили преимущественно в прибрежных деревнях. В большинстве степных селений старики утверждают, что овинов у них никогда не было.

В настоящее время на окраине села стоят хозяйственные фермы колхоза. Животноводческие фермы строят по типовым проектам, но колхозники вносят в них некоторые изменения. Заменяют преимущественно материал. Например, вместо предусмотренных проектом бревенчатых стен кладут саманные. Постройки из самана с давних времен распространены в крае, и строители имеют в этом отношении большой опыт. Кроме того, некоторые колхозы, например им. Карла Маркса Балаковского района и другие, расширили средний проход между секциями и установили подвесную дорогу для подвозки корма и уборки навоза. Многие фермы электрифицированы и радиофицированы.

На окраине деревни, вблизи водного источника, стоят бани, принадлежащие отдельным колхозникам. Иногда бани сооружают непосредственно на усадьбе, если недалеко находится колодец, река, пруд и т. д. Общественные бани в районе еще нет, за исключением районных центров — Балаково, Пугачев, Хворостянка, Безенчуг. Бани представляют собой срубные постройки, крытые соломой «под шатер». В степных районах даже в XIX в. еще не знали бань и обычно парились в печи.

На основе анализа собранного материала исследуемую территорию можно разделить на два этнографических подрайона: прибрежный — значительно меньший по пло-

¹ См. «Советская этнография», 1954, № 3, стр. 106.

щадн, протягивающийся узкой полосой вдоль береги Волги, и степной, заключенный в треугольнике Куйбышев — Пугачев — Балаково.

Прибрежный район по общему облику материальной культуры имеет много общего с выделенным нами правобережным этнографическим районом. Это связано с историей заселения левобережья: все деревни левобережья являются выселками из старинных сел правобережья (Широкий Буерак, Терса и др.). Степной район заселялся преимущественно из южных областей нашей страны. Так, село Ивантеевка заселено выходцами из Пензенской, Тульской и Курской областей, Бартеневка — из Курской и Орловской, Хворостанка — из Воронежской, Курской, Пензенской, Елань — из Орловской и т. д. Поэтому на данной территории отмечаются некоторые своеобразные особенности в отдельных элементах материальной культуры. Это дает основание выделить данную территорию в самостоятельный этнографический подрайон.

Е. П. Бусыгина

ГАРМСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1954 г.

Работа Гармской этнографической экспедиции является продолжением работы по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана, начатому сектором этнографии и истории искусства Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР в 1948 г. Обследование было начато с Кулябской обл., тогда менее всего изученной. Следующей областью была намечена Гармская, потому что из нее происходит массовое переселение колхозников в южные районы, на земли нового орошения. В 1952 и 1953 гг. в Гармской области были обследованы районы бассейна р. Сурхоба. В 1954 г. перед экспедицией стояла задача завершить полевое обследование области работами в Дарвазе — на правобережье р. Пяндж и частично в бассейне р. Хингоу. Экспедиция, руководимая А. К. Писарчик, работала в составе трех отрядов: Дарвазского этнографического (нач. отряда Н. Н. Ершов), Дарвазского искусствоведческого (нач. отряда Н. Х. Нурджанов) и Джиргитальского этнографического (нач. отряда Б. Х. Кармышева).

Работы первых двух отрядов экспедиции подтвердили, что этнографически Дарваз занимает промежуточное положение между Припамирьем (Западным Памиром) и Каратегином. Это прослеживается в области как материальной, так и духовной культуры. Типы жилища, одежды, сельскохозяйственных орудий, верования, танцы, развлечения, обычаи и обряды, связанные с семейной жизнью, — все это сочетает в себе черты Припамирья и Каратегина. Естественно, что припамирские черты особенно заметны в примыкающих к Припамирью верхних кишлаках Дарваза.

Так же, как Припамирью и частично Каратегину — этим, в недавнем прошлом труднодоступным и остальным горным районам, — Дарвазу присущи самые причудливые сочетания новейших достижений культуры и техники с отдельными пережитками древних эпох. Новое — это прежде всего новые производственные отношения, новое сознание, новое положение женщины, современные средства сообщения, радио, школы, новые праздники, промышленные товары — одежда, обувь, пищевые продукты. Основное направление в новом — это приобщение к передовой культуре через преодоление былой замкнутости, через школы, армию, различные виды специального обучения. Это — ослабление зависимости от внешней среды, от природных условий: в хозяйственной жизни благодаря познанию законов природы и применению научной агротехники, быту благодаря утепленному жилищу и теплой одежде, благодаря общему повышению материального уровня, и в частности ликвидации систематических весенних голодовок, когда нередко люди спасались от голодной смерти, питаясь только дикими травами и корнями, а также рано поспевающими сахаристыми плодами тутовника.

Все эти изменения совершенно преобразили облик горцев-таджиков, в прошлом задавленных нуждой и феодальным гнетом, способствовали превращению их в активных и сознательных членов социалистического общества. Но вместе с тем еще бытуют многие пережитки старого: древние орудия труда, например, мотыги древнейшего типа с наконечником, неполностью охватывающим конец изогнутой рукоятки (рис. 1), архаические предметы утвари, некоторые старые обычаи и суеверия. Сохранившиеся древние формы материальной культуры представляют значительный научный интерес с точки зрения истории техники. Это относится, например, к искусному применению в быту камней, свежих древесных побегов вместо веревок, рога, из которого изготавливается много бытовых предметов, начиная с колец и футляров для иглолок и кончая пороховницами, стременими и мотыгами. Не менее интересно использование кожи для изготовления сосудов, плотов и т. п. Основное население Дарваза — таджики. На территории Таджикистана Гармская область и прилегающие к ней горные районы соседних областей представляют собой самый большой сплошной массив таджикского населения. Только в Джиргитальском районе, на северо-востоке области, живут киргизы. Киргизы раньше обитали также в северных районах области (бассейн р. Сурхоба, б. Каратегин), где